2 шт
К

ВЛ. КОРОЛЕНКО

Чудна́я.

Съ письмами автора и

А. ЧЕХОВА

относительно выхода ихъ изъ состава почетныхъ академиковъ.

БЕРЛИНЪ.
Изданіе Іоанна Рэде.
1903.

22572

Предисловіе.

Предлагаемый вниманію читателей разсказъ Короленко: „Чудна́я“ является историческимъ документомъ того недалекаго прошлаго, когда о массовомъ движеніи въ Россіи еще не было и помину и когда единичныя личности боролись за освобожденіе русскаго народа и несли все бремя борьбы съ русскимъ правительствомъ. Не легка была участь этихъ единичныхъ героевъ, которые вынуждены были во цвѣтѣ лѣтъ разстаться со всѣмъ имъ дорогимъ, отказаться отъ жизни и томиться въ сырыхъ казематахъ отдаленной Сибири. Но тѣмъ, кто знакомъ съ условіями, въ которыхъ находятся нынѣшніе „политическіе“, участь „Чудной“ и подобныхъ ей покажется все еще раемъ. Нужно испытать на самомъ себѣ тѣ звѣрскія и отчаянныя средства, которыя русское правительство теперь примѣняетъ въ борьбѣ съ политическими,

чтобы понять, какъ тяжко бремя, падающее теперь на политическихъ, чтобы признать, что оно въ тысячу разъ тяжелѣе теперь, чѣмъ тогда. Въ настоящее время въ русскомъ правительствѣ заговорилъ животный инстинктъ самосохраненія, инстинктъ, не разбирающій средствъ борьбы, лишь бы продлить время своего деспотизма и какъ можно дальше отодвинуть надвигающуюся уже гибель. Правительство все больше и больше увеличиваетъ свою армію опричниковъ, давая имъ болѣе крупное жалованье, обѣщая имъ награды и привиллегіи, всячески другими мѣрами привязывая ихъ къ себѣ. И при помощи этихъ опричниковъ деспотическое правительство примѣняетъ всѣ звѣрства, всю мерзость самодержавнаго режима, всѣ гнусности, какія въ состояніи придумать человѣческій умъ, чтобы истребить тѣхъ, кто добивается блага народа, только лишь блага родного народа. Ни въ одномъ изъ современныхъ азіатскихъ государствъ не существуетъ подобнаго произвола, какой господствуетъ у насъ и съ такимъ рвеніемъ и ожесточеніемъ выполняется царскими опричниками, старающимися сохранить свое привиллегированное

положеніе. Мы не найдемъ уже теперь среди этой стотысячной толпы царскихъ опричниковъ ни одного, который по примѣру жандарма, выведеннаго въ разсказѣ Короленко, съ болью въ сердцѣ и съ состраданіемъ выполнялъ бы предписанія правительства и начальства. Наоборотъ, каждый разъ мы наталкиваемся на такія явленія, когда опричники пересаливаютъ, выходятъ изъ границъ своихъ полномочій, и если привлекаются иногда высшимъ правительствомъ якобы къ отвѣтственности, то заранѣе подготовлены оправдательные приговоры, заранѣе они знаютъ, что ихъ ждетъ лишь легкое наказаніе и быстрое помилованіе.

И вотъ почему все чаще и чаще раздаются душу раздирающую стоны все большаго и большаго контингента людей, страдающихъ отъ произвола царскихъ опричниковъ. Несчастный народъ изнемогаетъ подъ тяжестью русскаго режима. Крестьянство страдаетъ вслѣдствіе бремени налоговъ и беззаконія тѣхъ средствъ, коими налоги эти вымогаются у него. Рабочіе стонутъ подъ ярмомъ капитализма, идущаго рука объ руку съ русскомъ деспотизмомъ. Капитализму выгодно, чтобы русскій деспотизмъ

защищалъ интересы его, способствуя продленію невѣжества, застою мысли и сохраненію рабства съ той цѣлью, чтобы рабочій не могъ противодѣйствовать эксплуатаціи его капиталистомъ. Студенчество и молодежь стонутъ подъ гнетомъ русскихъ законовъ, не дающихъ свободы развитія личности, налагающихъ оковы на мысль и слово. И весь русскій народъ все громче и громче зоветъ на помощь интеллигенцію, чтобы уничтожить тотъ произволъ и насиліе, которые примѣняются царскими церберами для сохраненія самодержавнаго механизма. И несмотря на то, что этотъ зовъ раздается все сильнѣе и сильнѣе, все чаще и чаще, и не изъ груди единичныхъ личностей, а изъ груди тысячной толпы, наша интеллигенція не отзывается, не слѣдуетъ примѣру Короленко съ его открытымъ протестомъ. И это теперь, когда намъ нужна объединенная, энергичная борьба, когда намъ нужны сплоченныя силы, когда мы должны общимъ, рѣшающимъ усиліемъ положить конецъ царскому произволу, подъ гнетомъ котораго такъ страдаетъ русскій народъ. Довольно сидѣть и выжидать! Пора выступить въ открытую борьбу!

Вспомните, сколько молодыхъ жизней погибло въ прошломъ году и годомъ раньше въ Петербургѣ на Казанской площади! Вспомните экзекуцію надъ крестьянами Полтавской и Харьковской губерній! Вспомните объявленіе на охранномъ положеніи всей Россіи! Вспомните 22 смертныхъ приговора въ теченіе какихъ нибудь шести мѣсяцевъ! Вспомните и судите, можно ли еще дольше переносить царскій произволъ! Вспомните, что если правительство защищается такими отчаянными, звѣрскими средствами, каждый изъ васъ можетъ раньше или позже попасть въ тѣже ужасныя условія, въ какихъ находится наша борющаяся молодежь! Развѣ не падетъ позорнымъ пятномъ и на васъ тѣлесное наказаніе, введенное Плеве, главой царскихъ опричниковъ! Развѣ не тяжкій грѣхъ тотъ индефферентизмъ, какой проявили вы, русскіе интеллигенты, когда на вашихъ глазахъ сѣкли крестьянъ за то, что они земли просили, чтобы не умереть голодной смертью; рабочихъ за то, что они жить хотятъ подобно другимъ людямъ и просили увеличенной платы; студентовъ и молодежь за то, что они хотѣли и хотятъ быть не ра-

бами, а свободными гражданами, способствующими развитію и прогрессу Россіи; за то, что они требуютъ, чтобы университеты стояли на высотѣ своего назначенія и были дѣйствительно храмами науки, какъ въ Западной Европѣ, а не пристанищемъ шпіоновъ, казаковъ и всякой полицейской сволочи, какъ это теперь у насъ, въ Россіи; за то, что они хотѣли, чтобы профессорами назначались люди, достойные носить профессорское званіе, люди, умѣющіе учить и воспитывать молодежь, умѣющіе готовить образованныхъ и честныхъ людей, а не бездарныхъ недорослей. Въ такое время молчать и не реагировать — значитъ похоронить тѣ человѣческія чувства, которыя присущи всякому болѣе или менѣе порядочному человѣку. Рабочіе пошли защищать студентовъ, уголовные пошли защищать политическихъ въ Полтавской тюрьмѣ, а русская интеллигенція молчала и боялась выступить на защиту человѣческой личности даже тогда, когда молодежь обратилась къ ней съ воззваніемъ о помощи, съ просьбой присоединиться и совмѣстно защищаться. Да, та часть русскаго общества, которая сама была когда-то молодежью и студенчествомъ,

которая является якобы передовымъ элементомъ русскаго общества, молчитъ и переноситъ весь гнетъ и весь произволъ русскаго правительства, полуоправдываясь тѣмъ, что этотъ гнетъ и произволъ направлены на крестьянъ, рабочихъ и молодежь. Но не забывайте, что недалеко то время, когда вся тягость русскаго режима падетъ и на васъ, господа русскіе интеллигенты, когда и вы очутитесь въ тѣхъ же условіяхъ, въ какихъ находится борющаяся молодежь. Пока вся тягость бремени царизма валится на народныя массы, вамъ дышется и живется, благодаря даннымъ вамъ привиллегіямъ, еще болѣе или менѣе сносно и спокойно. Но теперь, когда русское правительство увеличиваетъ свою армію казаковъ, жандармовъ и шпіоновъ, чтобы бороться съ ростомъ революціоннаго движенія, когда крестьянство все больше и больше раззоряется и не въ состояніи платить налоги, правительство волей — неволей возложитъ весь гнетъ на васъ въ видахъ своего самосохраненія. Тогда падутъ привиллегіи, имѣющіяся у васъ, вамъ придется отказаться отъ многаго, вамъ придется выполнять всѣ капризы царизма и взять на свои плечи очень — очень тяжелое

бремя. Конечно, это заставитъ васъ отказываться и протестовать, и правительство примѣнитъ къ вамъ всѣ тѣ средства борьбы, которыя валятся теперь, словно изъ рога изобилія, на молодыхъ борцовъ за освобожденіе, на рабочихъ и крестьянъ. Зачѣмъ же закрывать глаза передъ надвигающейся грозой, зачѣмъ бояться предохранительныхъ мѣръ, тѣмъ болѣе что послѣднія такъ доступны?

Въ то время, когда Короленко писалъ „Чудную“, все русское общество спало, и протестъ Короленко, какъ единичный, не могъ разсчитывать на особый успѣхъ. Сравните нынѣшній революціонный авангардъ съ тѣми единичными „чудными“ и вы поймете, какимъ быстрымъ темпомъ развивается русское революціонное движеніе. Вспомните цѣлый рядъ крестьянскихъ бунтовъ, рабочихъ демонстрацій, студенческихъ забастовокъ и, наконецъ, террористическихъ актовъ, которые все чаще и чаще повторяются и, вѣроятно, не перестанутъ повторяться, и вы убѣдитесь, что теперь протестъ интеллигенціи не явится гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, а найдетъ откликъ въ душѣ русскаго народа, который ждетъ лишь сиг-

нала къ борьбѣ. Теперь самый удобный моментъ для борьбы, и вы должны имъ воспользоваться! Теперь весь русскій народъ долженъ объединиться и выставить общій лозунгъ: „паденіе абсолютизма!“ Конечно, однимъ паденіемъ абсолютизма еще не исцѣлится весь соціальный организмъ Россіи, но абсолютизмъ является самой сильной, наиболѣе угрожающей язвой, самымъ крупнымъ тормазомъ, мѣшающимъ бороться за исцѣленіе общественныхъ недуговъ. И такъ какъ политическая революція всюду предшествовала другимъ радикальнымъ реформамъ, мы должны, вы должны устранить первое и крупнѣйшее препятствіе на пути къ общему благу. Достигнувъ этого, интеллигенція съумѣетъ защищать свои права и отстаивать свои интересы, какъ другіе классы будутъ путемъ свободы слова, печати и сходокъ отстаивать свои права и интересы. Но до тѣхъ поръ, пока въ Россіи будетъ существовать и давить царскій деспотизмъ, намъ и вамъ, господа интеллигенты, не видать счастья и блага народа, какъ не видать своихъ ушей. Поэтому вашъ долгъ сдѣлать все, лишь бы свергнуть царскій деспотизмъ. Не забывайте, что въ

Россіи нѣтъ ни одного элемента, который былъ бы доволенъ нынѣшнимъ положеніемъ, за исключеніемъ развѣ царскихъ опричниковъ, и что вы могли-бы это съ такимъ большимъ успѣхомъ утилизировать. Вспомните о долгѣ передъ будущимъ поколѣніемъ, которое проклянетъ ваше малодушіе и трусливость. Вспомните, что никогда нигдѣ народная свобода не завоевывалась безъ борьбы и что лучше возможно раньше добиться ея, нежели ждать, пока оковы рабства падутъ и на ваши плечи и заставятъ васъ волей неволей бороться. Вступите жъ въ борьбу, русскіе интеллигенты, и пусть вашимъ лозунгомъ будетъ: „Да падутъ самодержавіе и произволъ! Да здравствуетъ свободная Россія!“

И. М.

Письмо

Владиміра Галактіоновича Короленко

къ

Александру Николаевичу Веселовскому,

предсѣдателю второго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ.

Глубокоуважаемый
Александръ Николаевичъ!

Въ концѣ прошлаго года я получилъ приглашеніе участвовать въ выборахъ по Отдѣленію Русскаго языка и Словесности и Разряду Изящной Словесности и, слѣдуя этому приглашенію, подалъ свой голосъ, между другими, и за А. М. Пѣшкова (Горькаго), который былъ избранъ и, какъ мнѣ извѣстно, получилъ обычное въ такихъ случаяхъ извѣщеніе о выборѣ.

Затѣмъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ и всѣхъ русскихъ газетахъ напечатано объявленіе „отъ Академіи Наукъ“, въ которомъ сообщалось, что выбирая А. М. Пѣшкова-Горькаго, мы не знали

о фактѣ его привлеченія къ дознанію по 1305 ст. и, узнавъ объ этомъ, какъ бы признаемъ (сами) выборы недѣйствительными.

Мнѣ кажется, что, участвуя въ выборахъ, я имѣлъ право быть приглашеннымъ также къ обсужденію вопроса объ ихъ отмѣнѣ, если эта отмѣна должна быть произведена отъ имени Академіи. Тогда я имѣлъ бы возможность осуществить свое неотъемлемое право на заявленіе особаго по этому предмету мнѣнія, такъ какъ, подавая голосъ свой, зналъ о привлеченіи А. М. Пѣшкова къ дознанію по политическому дѣлу (это извѣстно очень широко) и не считалъ это препятствіемъ для его выбора. Мое мнѣніе можетъ быть ошибочно, но и до сихъ поръ оно состоитъ въ томъ, что Академія должна сообразоваться лишь съ литературной дѣятельностью избираемаго, не справляясь съ негласнымъ производствомъ посторонняго вѣдомства. Иначе самый характеръ академическихъ выборовъ существенно искажается и теряетъ всякое значеніе.

Выборы почетныхъ академиковъ по существу своему представляютъ гласное вы-

раженіе мнѣнія Академіи о выдающихся явленіяхъ родной литературы. Всякое мнѣніе, по своей природѣ, имѣетъ цѣну лишь тогда, когда оно независимо и свободно. Отмѣнѣ или ограниченію могутъ подлежать лишь формы его обнаруженія и его послѣдствія, но не самое мнѣніе, которое по природѣ своей чуждо всякому внѣшнему воздѣйствію. Только я самъ могу правильно изложить мотивы моего мнѣнія и измѣнить его, а тѣмъ болѣе объявить объ этомъ измѣненіи. Всякая человѣческая власть кончается у порога человѣческой совѣсти и личнаго убѣжденія. Даже существующіе у насъ законы о печати признаютъ это непререкаемое начало. Цензурѣ предоставлено право остановить оглашеніе того или другого взгляда, но законъ воспрещаетъ цензору всякія постороннія вставки и заявленія отъ имени автора. Мнѣ горько думать, что объявленію, сдѣланному отъ имени Академіи, суждено, впервые, кажется, ввести прецедентъ другого рода, передъ сущностью котораго совершенно блѣднѣетъ самый вопросъ о присутствіи того или другого лица въ составѣ почетныхъ академиковъ. Если бы этотъ

обычай установился, то мы рискуемъ, что намъ могутъ быть диктуемы тѣ или другіе обязательные взгляды и что о перемѣнѣ нашихъ взглядовъ на тѣ или другіе вопросы (жизни и литературы) можетъ быть объявляемо отъ нашего имени, совершенно независимо отъ нашихъ дѣйствительныхъ убѣжденій. А это — величайшая опасность въ глазахъ всякаго, кто дорожитъ независимостью (и значитъ) искренностью и достоинствомъ своего убѣжденія. Смѣю думать, что это — величайшая опасность также для русской науки, литературы и искусства.

Въ виду изложенныхъ, по моему мнѣнію, въ высшей степени важныхъ, принципіальныхъ соображеній, я считалъ необходимымъ обратиться къ Вамъ съ просьбой извѣстить меня о времени засѣданія Отдѣла и Разряда по этому поводу. Къ сожалѣнію моя просьба запоздала и уже тогда, къ крайнему моему прискорбію, я предвидѣлъ, что мнѣ останется только сложить съ себя званіе почетнаго Академика, такъ какъ по совѣсти я не могу раздѣлить отвѣтственности за содержаніе сдѣланнаго отъ имени Академіи объявленія. Но я считаю своей нравственной обязанностью передъ уважае-

мымъ учрежденіемъ прежде изложить свои соображенія въ собраніи Отдѣла и Разряда, которое, быть можетъ, указало бы мнѣ другой выходъ, согласный съ моей совѣстью и достойный высшаго въ нашемъ отечествѣ научнаго учрежденія. Оставаясь при этомъ мнѣніи, я прошу Васъ, глубокоуважаемый А. Н., сообщить мнѣ, находите ли Вы возможнымъ созвать въ ближайшемъ времени собраніе Отдѣла русскаго языка и Разряда изящной словесности для выслушанія моего заявленія, которое я въ такомъ случаѣ буду имѣть честь представить.

6 апрѣля 1902.

Примите и пр. Вл. Короленко.

* * *

Заявленіе

Владиміра Галактіоновича Короленко

„въ отдѣленіе Русскаго языка и словесности и Разрядъ Изящной Словесности Императорской Академіи Наукъ“:

6-го апрѣля настоящаго года я имѣлъ честь обратиться къ Предсѣдателю II отдѣленія съ нижеслѣдующимъ письмомъ:

(Слѣдуетъ полностью текстъ письма къ Александру Николаевичу Веселовскому, приведенный выше.)

Къ сожалѣнію, оффиціальное засѣданіе, о которомъ я просилъ и которое могло бы придти къ какому нибудь опредѣленному рѣшенію, состояться не могло, и вопросъ отложенъ на болѣе или менѣе неопредѣленное время.

Въ виду этого, къ первоначальному заявленію мнѣ придется добавить немного. Вопросъ, затронутый въ заявленіи, не можетъ считаться безразличнымъ. Ст. 1305 есть лишь слабо видоизмѣненная форма административно - полицейскаго воздѣйствія, игравшая большую роль въ исторіи нашей литературы. Въ собраніи, считающемъ въ своемъ составѣ немало лучшихъ историковъ литературы, я не стану перечислять всѣхъ относящихся сюда фактовъ. Укажу только на Н. И. Новикова, Грибоѣдова, Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Аксаковыхъ. Всѣ они подвергались въ свое время административному воздѣйствію разныхъ видовъ, а надзоръ за Пушкинымъ, міровой славой русской литературы, — какъ это видно изъ послѣднихъ біографическихъ

изысканій, — не только проводилъ его въ могилу, но длился еще тридцать лѣтъ послѣ смерти поэта.*) Такимъ образомъ, начало, провозглашенное въ объявленіи отъ имени Академіи, проведенное послѣдовательно, должно было бы закрыть доступъ въ Академію первому поэту въ Россіи. Это — въ прошломъ. Въ настоящемъ же прямымъ его слѣдствіемъ является то, что званіе Почетнаго Академика можетъ быть также отнимаемо внѣ — судебнымъ порядкомъ, по простому подозрѣнію административнаго учрежденія, постановляющаго свои рѣшенія безъ всякихъ гарантій для заподозрѣннаго, безъ права защиты и апелляціи, часто даже безъ всякихъ объясненій.

Таково принципіальное значеніе начала, провозглашеннаго отъ имени Академіи. Я не считаю умѣстнымъ касаться здѣсь общаго юридическаго значенія 1305 ст. и тѣхъ, лежащихъ за предѣлами литературы, соображеній, которыми вызвано ея примѣненіе. Во всякомъ случаѣ, однако, пред-

*) Уже въ 70 гг. истекшаго вѣка ген. Мезенцевъ потребовалъ, по вступленіи своемъ въ должность шефа жандармовъ, списки поднадзорныхъ и вычеркнулъ изъ нихъ имя тит. сов. А. С. Пушкина.

ставляется далеко не безразличнымъ, — вводится ли то или другое начало категорическимъ распоряженіемъ власти, или же оно возлагается на иниціативу и нравственную отвѣтственность учено-просвѣтительнаго учрежденія, призваннаго руководиться лишь высшими интересами литературы и мысли.

Въ виду всего вышеизложеннаго, т. е.:

что оглашеннымъ отъ имени Академіи объявленіемъ затронутъ вопросъ, очень существенный для русской литературы и жизни;

что ему приданъ характеръ коллективнаго акта;

что моя совѣсть, какъ писателя, не можетъ примириться съ молчаливымъ признаніемъ принадлежности мнѣ взгляда, противоположнаго моему дѣйствительному убѣжденію;

что, наконецъ, я не нахожу выхода изъ этого положенія въ предѣлахъ дѣятельности Академіи;

я вижу себя вынужденнымъ сложить съ себя нравственную отвѣтственность за „Объявленіе“, оглашенное отъ имени Академіи, въ единственной доступной мнѣ формѣ,

т. е. вмѣстѣ со званіемъ Почетнаго Академика.

Поэтому, принося искреннюю благодарность уважаемому учрежденію, почтившему меня своимъ выборомъ, — я прошу вмѣстѣ съ тѣмъ исключить меня изъ списковъ и болѣе Почетнымъ Академикомъ не числить.

Въ концѣ іюля 1902 г.

Вл. Короленко.

* * *

Приводимъ кстати текстъ письма, посланнаго А. П. Чеховымъ въ концѣ августа прошлаго года на имя Предсѣдателя Отдѣленія Русскаго Языка и Словесности и Разряда изящной словесности Императорской Академіи Наукъ, а равно на имя Президента Академіи Наукъ, великаго князя Константина Константиновича:

„Въ декабрѣ прошлаго года я получилъ извѣщеніе объ избраніи А. М. Пѣшкова въ почетные академики, и я не замедлилъ повидаться съ А. М. Пѣшковымъ, который тогда находился въ Крыму, первый принесъ ему извѣстіе объ избраніи и первый поздравилъ его. Затѣмъ, немного погодя,

въ газетахъ было напечатано, что въ виду привлеченія Пѣшкова къ дознанію по 1305 ст. выборы признаются недѣйствительными, при чемъ было точно указано, что это извѣщеніе исходитъ отъ Академіи Наукъ, а такъ какъ я состою почетнымъ академикомъ, то это извѣщеніе отчасти исходило и отъ меня. Я поздравлялъ сердечно и я же признавалъ выборы недѣйствительными, — такое противорѣчіе не укладывалось въ моемъ сознаніи, примирить свою совѣсть съ нимъ я не могъ. Знакомство съ 1305 ст. ничего не объяснило мнѣ. И послѣ долгаго размышленія я могъ придти только къ одному рѣшенію, крайне для меня тяжелому и прискорбному, а именно: просить о сложеніи съ меня званія почетнаго академика."

А. Чеховъ.

Чудна́я.

(Очеркъ.)

„Скоро-ли станція, ямщикъ?“

„Не скоро еще, до мятели врядъ-ли доѣхать; вишь закуржавило какъ, сивера идетъ.“

Да, видно, до мятели не доѣхать. Къ вечеру становится все холоднѣе. Слышно, какъ снѣгъ подъ полозьями поскрипываетъ; зимній вечеръ, сивера гудитъ въ темномъ бору, вѣтви елей протягиваются къ узкой лѣсной дорогѣ и грозно качаются въ опускающемся сумракѣ ранняго вечера.

Холодно и неудобно. Кибитка узка, подъ бока давитъ, да еще некстати тутъ-же шашка и револьверъ провожатыхъ болтаются. Колокольчикъ выводитъ какую-то длинную, однообразную пѣсню въ тонъ завывающей мятели.

Къ счастью, — вотъ и одинокій огонекъ станціи на опушкѣ гудящаго бора.

Мои провожатые, бряцая цѣлымъ арсеналомъ оружія, стряхиваютъ снѣгъ въ жарко натопленной, темной, закопченной избѣ. Бѣдно и непривѣтливо. Хозяйка укрѣпляетъ въ свѣтильнѣ дымящую лучину.

„Нѣтъ-ли чего поѣсть у тебя, хозяйка?“

„Ничего нѣтъ-то у насъ . . .“

„А рыба? Рѣка тутъ у васъ недалече?“

„Была рыба, да выдра всю позобила.“

„Ну, картошка?“

„Померзла картошка-то у насъ нонѣ.“

Дѣлать нечего; хлѣба дала хозяйка, самоваръ къ удивленію нашелся, и то слава богу.

Погрѣлись чайкомъ, хлѣбца поѣли, луковицъ принесла хозяйка въ лукошкѣ. А вьюга на дворѣ разыгрывалась, мелкимъ снѣгомъ въ окно сыпала и по временамъ даже свѣтъ лучины вздрагивалъ и колебался.

„Нельзя вамъ ѣхать-то будетъ, ночуйте.“

„Что-же, ночуемъ. Вамъ, вѣдь, господинъ, торопиться-то некуда тоже. Видите, — тутъ сторона-то какая, ну, а тамъ еще хуже, вѣрьте слову.“

Въ избѣ все смолкло. Даже хозяйка сложила свою пряслицу съ пряжей и уле-

глась, переставъ свѣтить лучину. Водворились мракъ и молчаніе, нарушаемые только порывистыми ударами налетавшаго вѣтра. Я не спалъ. Въ головѣ, подъ шумъ бурй, поднимались и летѣли одна за другой тяжелыя мысли.

„Не спится, видно, господинъ," произнесъ одинъ изъ провожатыхъ, „старшій", человѣкъ довольно симпатичный, съ пріятнымъ, даже какъ будто интеллигентнымъ лицемъ, расторопный, знающій свое дѣло и потому не педантъ. Въ пути онъ не прибѣгаетъ къ ненужнымъ стѣсненіямъ и формальностямъ.

„Да, не спится."

Нѣкоторое время проходитъ въ молчаніи, но я слышу, что и мой сосѣдъ не спитъ, — видно, и въ его головѣ бродятъ какія-то мысли. Другой провожатый, — молодой „подручный" — спитъ сномъ здороваго, но крѣпко утомленнаго человѣка. Временами онъ что-то невнятно бормочетъ.

„Удивляюсь я вамъ," слышится опять ровный, грудной голосъ унтера, „народъ молодой, люди благородные, образованные, можно сказать, — а какъ свою жизнь проводите."

„Какъ?“

„Эхъ, господинъ. Неужто мы не можемъ понимать?... Довольно понимаемъ, что вы не въ эдакой, можетъ, жизни были и не къ этому съ измальства привыкли...“

„Ну, это вы пустое говорите, — дѣло не въ томъ, къ чему съ измальства привыкли, — было время и отвыкнуть...“

„Неужто весело вамъ?“ произноситъ онъ тономъ сомнѣнья.

„Не весело, что и говорить... А вамъ весело?“

Молчаніе. Гавриловъ (будемъ такъ называть моего собесѣдника), повидимому, о чемъ-то думаетъ.

„Нѣтъ, господинъ, что я вамъ скажу... Вѣрьте слову, иной разъ бываетъ, просто, кажется, на свѣтъ не глядѣлъ-бы... съ чего ужъ это такъ бываетъ, — не знаю, только иной разъ такъ подступитъ, такъ подступитъ — ножъ острый, да и только.“

„Служба, что-ли, тяжелая?“

„Служба службой... Конечно, не прогулка, да и начальство, надо сказать, строгое, а только все-же не съ этого.“

„Такъ отчего-же?“

„Кто знаетъ?“

Опять молчаніе.

„Еще теперь обтерпѣлся немного, — привыкъ. Ну, и начальство не оставляетъ, въ унтеръ-офицеры произведенъ, штрафовъ никакихъ не бывало, да и домой скоро — въ отставку . . .“

„Такъ что-же?“

„А вотъ я вамъ, господинъ, разскажу, — случай какой со мной былъ . . . Поступилъ я на службу въ 1874 году, въ эскадронъ прямо изъ сдаточныхъ. Служилъ хорошо, можно сказать, съ полнымъ усердіемъ, все больше по нарядамъ: въ народъ куда, къ театру, — сами знаете. Грамотѣ хорошо обученъ, ну, и начальство не оставляло. Маіоръ у насъ землякъ мнѣ былъ, и какъ видя мое стараніе, призываетъ разъ меня къ себѣ и говоритъ: „Я тебя, Гавриловъ, въ унтеръ-офицеры представлю; ты въ командировкахъ бывалъ-ли?“ „Никакъ нѣтъ,“ говорю, „ваше в—діе.“ „Ну,“ говоритъ, „въ слѣдующій разъ назначу тебя въ подручные; присмотришься, — дѣло не хитрое.“ „Слушаю,“ говорю, „ваше в—діе, радъ стараться!“ А въ командировкѣ я точно что не бывалъ ни разу, — вотъ съ вашимъ братомъ значитъ. Оно хоть, ска-

жемъ, дѣло не хитрое, а все же, знаете, инструкціи надо усвоить, да и расторопность нужна. Ну, хорошо... Черезъ недѣлю этакъ мѣста, зоветъ меня дневальный къ начальнику и унтеръ-офицера одного вызываетъ. Пришли. „Вамъ", говоритъ, „въ командировку ѣхать. Вотъ тебѣ," говоритъ унтеръ-офицеру, — „подручный. Онъ еще не бывалъ. Смотрите — не зѣвать, справьтесь," говоритъ, „ребята, молодцами; барышню вамъ везти изъ замка. Вотъ вамъ инструкція, завтра деньги получай — и съ Богомъ." Ивановъ, унтеръ-офицеръ, въ старшихъ со мной ѣхалъ, а я въ подручныхъ, — вотъ, какъ у меня теперь другой-то жандармъ. Старшему инструкція дается, деньги онъ на руки получаетъ, бумаги тоже, онъ расписывается, счеты эти ведетъ, ну, а рядовой въ помощь ему дается: послать куда, за вещами присмотрѣть, то, другое... Ну, хорошо. Утромъ, чуть свѣтъ еще, отъ начальства вышли, — гляжу: Ивановъ мой ужъ выпить гдѣ-то успѣлъ. А человѣкъ онъ былъ, надо прямо говорить, неподходящій — разжалованъ теперь. На глазахъ у начальства — какъ слѣдуетъ быть унтеръ-

офицеру, и даже такъ, что на другихъ кляузы наводилъ, — выслуживался. А чуть съ глазъ долой, сейчасъ и завертится, и первымъ долгомъ выпить любилъ.

Пришли мы въ замокъ, какъ слѣдуетъ, бумагу вручили, ждемъ, стоимъ. Любопытно мнѣ, — какую барышню везти-то прійдется, и везти назначено намъ по маршруту далеко. По самой это дорогѣ ѣхали; только въ городъ она назначена была, а не въ волость. Вотъ мнѣ и любопытно въ первый разъ, — жду, стою. Только прождали этакъ съ часъ мѣста, пока ея вещи собирали, а и вещей то съ ней узелокъ маленькій, — юбка тамъ, ну, то, другое, сами знаете. Книжки тоже были, и больше ничего съ ней не было; небогатыхъ, видно, родителей, думаю. Только выводятъ ее; смотрю, молодая еще, какъ есть ребенкомъ мнѣ показалась. Волосы русые, въ одну косу убраны, на щекахъ румянецъ у нея въ ту пору такъ и горѣлъ, а потомъ, увидѣлъ я, блѣдная, какъ есть бѣлая во всю дорогу была. Такъ мнѣ ее жалко стало, то есть такъ жалко, просто, ну.

Стала она пальто одѣвать, калоши... Вещи осмотрѣть приказали; правило зна-

читъ: по инструкціи мы вещи осмотрѣть обязаны. „Деньги, спрашиваемъ, съ вами какія будутъ?“ — Рубль двадцать копѣекъ оказалось, — старшій къ себѣ взялъ. „Васъ, барышня,“ говоритъ ей, „я обыскать обязанъ.“ Какъ тутъ она вспыхнетъ. Глаза это у нея загорѣлись, румянецъ еще гуще выступилъ. Губы тонкія, сердитыя . . . Какъ посмотрѣла на насъ, — вѣрите, — я и подступиться не посмѣлъ. Ну, а старшій, извѣстно, выпивши былъ, лѣзетъ къ ней прямо . . . „Я,“ говоритъ, „обязанъ; у меня“, говоритъ, „инструкція.“ Какъ крикнетъ она тутъ, даже Ивановъ и тотъ отъ нея попятился. Гляжу я на нее, лицо поблѣднѣло, ни кровинки, а глаза ровно вотъ почернѣли, и злая презлая . . . Ногой топаетъ, говоритъ шибко, — только я, признатьея, хорошо и не слушалъ, что она говорила . . . Смотритель тоже испугался, воды ей принесъ въ стаканѣ . . . „Успокойтесь, проситъ ее, пожалуйста,“ говоритъ, „сами себя пожалѣйте“. А она и на него тутъ напала . . . „Варвары,“ говоритъ, „вы, холопы.“ Ну, и много еще дерзкихъ словъ ему выражала. Какъ хотите, — супротивъ начальства это, вѣдь, не хорошо. Такъ мы ее и не обыскивали.

Увелъ ее смотритель въ другую комнату, да съ надзирательницей тотчасъ-же и вышли они; — „ничего,“ говоритъ, „при нихъ нѣтъ.“ А она на него глядитъ и точно вотъ смѣется ему въ лицо, а глаза-то злые такіе. А Ивановъ — извѣстно, пьяному море по колѣно, — смотритъ, да все свое бормочетъ: „не по закону, у меня,“ говоритъ, „инструкція.“ Только смотритель вниманія не взялъ. — Поѣхали. По городу проѣзжали, все она въ окна кареты глядитъ; точно прощается, либо знакомыхъ увидѣть хочетъ. А Ивановъ взялъ да занавѣску-то опустилъ, — окно и закрылъ. Забилась она въ уголъ, прижалась и глядитъ на насъ. А я, признаться, не утерпѣлъ таки: взялъ это одну занавѣску, будто самъ поглядѣть хочу, — и открылъ, такъ чтобъ ей видно было . . . Только она и не посмотрѣла въ окно и все такая же сердитая, въ уголку сидитъ, губы закусила, — въ кровь, такъ я себѣ думалъ, искусаетъ.

Поѣхали по желѣзной дорогѣ. Погода ясная этотъ день стояла, осенью это дѣло было, въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Солнце-то свѣтитъ, да вѣтеръ свѣжій, осенній, а она въ вагонѣ окно отворитъ, сама высунется на

вѣтеръ, такъ и сидитъ. По инструкціи-то оно не полагается, знаете, окно открывать, да Ивановъ мой, какъ въ вагонъ ввалился, такъ и захрапѣлъ, а я не смѣлъ ей сказать. Потомъ осмѣлился, подошелъ это къ ней и говорю: „Барышня,“ говорю, „закройте окно.“ Молчитъ и вниманія не взяла, будто не ей я говорю, а сама-то, я знаю, слышитъ. Постоялъ я тутъ, постоялъ, а потомъ опять говорю: „Простудитесь, барышня, холодно вѣдь.“ Обернула она лицо-то ко мнѣ и точно вотъ удивилась чему. Поглядѣла на меня, да и говоритъ тихо таково: „оставьте,“ говоритъ, и опять въ окно высунулась, а я махнулъ рукой и отошелъ въ сторону. Стала она спокойнѣе. Закроетъ окно, въ пальтишко закутается вся, грѣется видно: вѣтеръ, говорю, свѣжій былъ, студено. А потомъ опять къ окну идетъ и опять на вѣтру вся, послѣ тюрьмы-то, видно, не наглядится. Повеселѣла даже, глядитъ себѣ и даже улыбаться стала, и такъ на нее хорошо въ тѣ поры смотрѣть было, вѣрьте совѣсти: если бы начальство отдало, такъ бы, кажется, сейчасъ ее женой къ себѣ взялъ, вмѣсто ссылки.

Отъ города на тройкѣ ѣхать пришлось. Ивановъ-то у меня пьянъ-пьянешенекъ;

проспится и опять заливаетъ. Вышелъ изъ вагона, — шатается. Ну, думаю, плохо, какъ бы денегъ казенныхъ не растерялъ. Ввалился въ почтовую телѣгу, легъ это и захрапѣлъ тотчасъ. Сѣла она рядомъ, — неловко. Посмотрѣла на него, ну точно вотъ на гадину на какую. Подобралась такъ, чтобъ не тронуть его какъ-нибудь, вся въ уголку прижалась, а я-то ужъ на облучекъ усѣлся. Какъ поѣхали, вѣтеръ-то холодный, я и то продрогъ, и ей, гляжу, холодно. Закашляла крѣпко и платокъ къ губамъ поднесла, а на платкѣ, гляжу, кровь. Такъ меня будто кто въ сердце булавкой кольнулъ. „Эхъ,“ говорю, „барышня, — какъ можно. Больны вы, а въ какую погоду поѣхали, — очень холодно . . . Нешто, говорю, можно этакъ?“ Вскинула она на меня глазами, посмотрѣла, и точно опять у нея внутри закипать стало. „Что вы,“ говоритъ, „глупы, что-ли? Не понимаете, что я не по своей волѣ ѣду. Хорошъ,“ — говоритъ, — „самъ везетъ, да туда же еще съ сожалѣніемъ суется.“ — „Вы бы,“ говорю, начальству заявили, — въ больницу хоть слегли бы, чѣмъ въ этакой холодъ ѣхать. Дорога-то вѣдь не близкая.“ — „А куда?“

— спрашиваетъ. А намъ, знаете, строго запрещено объяснять преступникамъ, куда ихъ везти приказано. Видитъ она, что я позамялся, и отвернулась. „Не надо,“ говоритъ, „это я такъ ... Не говорите, да ужъ и сами не лѣзьте.“ — Не утерпѣлъ я. „Вотъ,“ говорю, „куда вамъ ѣхать. Не близко.“ — Сжала она губы-то свои, брови сдвинула, да ничего не сказала. Покачалъ я головою: „Вотъ то-то,“ говорю, „барышня. Молоды вы, не знаете еще, что это значитъ.“ Крѣпко мнѣ досадно было, а она посмотрѣла, да и говоритъ: „напрасно вы такъ думаете. Знаю я хорошо, что это значитъ, а въ больницу все таки не слягу. Спасибо. Лучше ужъ помирать, такъ на волѣ, а не въ больницѣ вашей тюремной. Вы думаете,“ говоритъ, „отъ вѣтру я, что-ли, заболѣла, отъ простуды? какъ бы не такъ.“ „Тамъ у васъ, спрашиваю, сродственники находятся?“ Это я потому, какъ она мнѣ выразила, что у своихъ поправляться хочетъ. „Нѣтъ,“ говоритъ, „у меня тамъ ни родни, ни знакомыхъ. Городъ-то мнѣ чужой, да вѣрно такіе, какъ и я ссыльные есть, товарищи.“ Подивился я, какъ это она чужихъ людей своими называетъ;

неужели, думаю, кто ее безъ денегъ такъ поить, кормить станетъ, да еще незнакомую. Только не сталъ ее распрашивать, потому, вижу я, брови подымаетъ, недовольна, зачѣмъ я распрашиваю. Только къ вечеру гляжу: тучи надвинулись, вѣтеръ подулъ холодный, а тамъ и дождь пошелъ. Грязь и прежде была невысохши, а тутъ до того грязно стало, просто кисель на дорогѣ, да и только. Спину то мнѣ какъ есть грязью всю забрызгало, да и ей порядочно попадать стало. Однимъ словомъ сказать, что погода, на ея несчастье, пошла самая скверная: дождикомъ прямо въ лицо сѣчетъ; оно хоть, положимъ, кибитка-то крытая, и рогожей я ее закрылъ, да куда тутъ. Течетъ всюду, продрогла, гляжу, вся дрожитъ и глаза закрыла. По лицу капли дождевыя потекли, а щеки блѣдныя, и не двинется она, точно въ безчувствіи. Испугался я даже. Вижу, дѣло-то выходитъ неподходящее, плохое дѣло . . .

Въ Я*** городъ самымъ вечеромъ пріѣхали. Разбудилъ Иванова, со станціи вышли, — велѣлъ я самоваръ согрѣть. А изъ города изъ этого пароходы ходятъ, только по инструкціи намъ на пароходѣ во-

зить строго воспрещается. Оно хоть нашему брату выгоднѣе — экономію загнать можно, — да боязно. На пристани, знаете, полицейскіе стоятъ, а то и нашъ братъ, жандармъ мѣстный, кляузу подвесть завсегда можетъ. Вотъ барышня-то и говоритъ: „я, говоритъ, далѣе на почтовыхъ не поѣду; какъ знаете, говоритъ, пароходомъ везите.“ А Ивановъ еле глаза продралъ съ похмѣлья, — сердитый . . . — „Вамъ,“ говоритъ, „объ этомъ разсуждать не полагается. Куда повезутъ, туда и поѣдете.“ Ничего она ему не сказала, а мнѣ говоритъ: „слышали,“ говоритъ, „что я сказала: не ѣду!“ Отозвалъ я тутъ Иванова въ сторону. „Надо,“ говорю, „на пароходѣ везти. Вамъ же лучше: экономія останется.“ Онъ на это пошелъ, только труситъ . . . „Здѣсь,“ говоритъ, „полковникъ есть, такъ какъ бы чего не вышло; ступай, говоритъ, опросись, мнѣ, говоритъ, нездоровится что-то.“ А полковникъ неподалеку жилъ. — „Пойдемъ,“ говорю, „вмѣстѣ и барышню съ собой возьмемъ.“ Боюсь я: Ивановъ-то, думаю, спать завалится спьяну, такъ какъ-бы чего не вышло. Чего добраго, уйдетъ она, или надъ собой что сдѣлаетъ,

въ отвѣтъ попадемъ. Ну, пошли мы къ полковнику. Вышелъ онъ къ намъ, „что надо?“ спрашиваетъ. Вотъ она ему и объясняетъ, да тоже съ нимъ не ладно говоритъ. Ей-бы попросить хорошенько: такъ и такъ, молъ, сдѣлайте милость, а она тутъ по своему заговорила. „По какому праву,“ говоритъ, — ну, и прочее, все, знаете, дерзкія слова выражаетъ. Выслушалъ онъ ее и ничего, — смирно таково отвѣчаетъ: „Не могу-съ,“ говоритъ, „ничего я тутъ не могу. По закону . . . нельзя.“ Гляжу, барышная-то моя раскраснѣлась вся, глаза точно вотъ угли. — „Законъ!“ говоритъ, и засмѣялась по своему сердито, да громко. „Такъ точно,“ полковникъ ей, „законъ-съ!“ Признаться, я тутъ позабылся немного, да и говорю: „Точно что, Ваше в—діе, законъ, да онѣ, ваше в—діе, больны.“ Посмотрѣлъ онъ на меня строго . . . — „Какъ твоя фамилія?“ спрашиваетъ. „А вамъ, барышня,“ говоритъ, „если больны вы, — въ больницу тюремную не угодно-ли-съ?“ Отвернулась она и пошла вонъ, слова не сказала. Мы за ней. Не захотѣла въ больницу, да и то надо сказать: ужъ если на мѣстѣ не осталась, а тутъ безъ денегъ, да на чужой сто-

ронѣ, точно что не приходится. Ну, дѣлать нечего. Ивановъ на меня накинулся. — „Что, молъ, теперь будетъ: непремѣнно изъ за тебя, дурака, съ отвѣтѣ оба будемъ.“ Велѣлъ лошадей запрягать и ночь переждать не согласился, такъ въ ночь и выѣзжать пришлось. Подошли мы къ ней: „пожалуйте,“ говоримъ, „барышня, лошади поданы.“ А она на диванъ прилегла, — только согрѣваться стала. Вспрыгнула она на ноги, встала передъ нами, выпрямилась вся, прямо на насъ смотритъ, — даже, скажу вамъ, страшно мнѣ на нее глядѣть стало.

„Проклятые вы,“ говоритъ, — опять по по своему что-то заговорила, непонятно. Ровно-бы и по русски говоритъ, да ничего понять невозможно. Только сердито очень, да жалко говорила: „Ну,“ говоритъ, „теперь ваша воля, вы меня замучить можете, — что хотите дѣлайте. Ѣду!“ А самоваръ-то все на столѣ стоитъ, она еще и не пила. Мы съ Ивановымъ свой чай заварили, и ей я налилъ. Хлѣбъ съ нами бѣлый былъ, я тоже ей отрѣзалъ. „Выкушайте,“ говорю, „на дорогу-то. Ничего, хоть согрѣетесь немножко.“ — Она калоши надѣвала, повернулась ко мнѣ, смотрѣла, смотрѣла, потомъ

плечами повела и говоритъ: „Что это за человѣкъ такой? Совсѣмъ вы, кажется, сумасшедшій. Стану я вашъ чай пить...“ Повѣрите-ли, до чего мнѣ обидно тогда стало. И по сейчасъ вспомню, и то сердце бьется. Вотъ вы не брезгаете-же съ нами хлѣбъ-соль ѣсть. Рудакова господина везли, тотъ тоже не брезгалъ. А она побрезгала. Велѣла себѣ потомъ на другомъ столѣ самоваръ особо согрѣть и ужъ извѣстно: за чай, за самоваръ втрое заплатила... Чудная!“

Разсказчикъ смолкъ и на нѣкоторое время въ избѣ водворилась тишина, нарушаемая только ровнымъ дыханіемъ младшаго жандарма.

„Вы не спите?“ спросилъ у меня Гавриловъ.

„Нѣтъ, продолжайте, пожалуйста: я слушаю.

„... Много я отъ нея,“ продолжалъ разсказчикъ, помолчавъ, — „много муки тогда принялъ. Дорогой-то, знаете, ночью все дождикъ, погода злая... Лѣсомъ поѣдешь, — лѣсъ стономъ стонетъ. Ее-то мнѣ и не видно, потому ночь темная, ненастная, зги не видать, а, повѣрите, такъ она у меня

передъ глазами стоитъ, то есть даже до того, что всегда ночью и днемъ ее вижу: и глаза ея, и лице, сердитое, блѣдное, и какъ она озябла вся, а сама глядитъ куда-то все, точно все мысли свои про себя въ головѣ ворочаетъ. Какъ со станціи поѣхали, сталъ я ее тулупомъ одѣвать. „Надѣньте,“ говорю, „тулупъ-то, все, знаете, теплѣе.“ Кинула тулупъ съ себя. „Вашъ,“ говоритъ, „тулупъ, вы и надѣвайте.“ Тулупъ точно что мой былъ, да догадался я и говорю ей: „не мой, говорю; по закону, говорю, вамъ полагается.“ Ну, одѣлась ... Только и тулупъ не помогъ; какъ разсвѣло, глянулъ я на нее, а на ней лица нѣтъ. Какъ со станціи опять поѣхали, приказала она Иванову на облучекъ сѣсть. Поворчалъ онъ, да не посмѣлъ ослушаться, тѣмъ болѣе, — хмѣль-то у него прошелъ немного. Я съ ней рядомъ сѣлъ. Трое сутокъ мы ѣхали и нигдѣ не ночевали. Первое дѣло: по инструкціи сказано не останавливаться на ночлегъ, а въ случаѣ сильной усталости, не иначе, какъ въ городахъ, гдѣ есть караулы. Ну, а тутъ, сами знаете, какіе города. Да и сама-то все торопитъ, — скорѣй ей все хотѣлось на мѣсто.

Пріѣхали таки на мѣсто; точно гора у меня съ плечъ долой, какъ городъ мы завидѣли. И надо вамъ сказать: въ концѣ она почитай что на рукахъ у меня доѣхала. Вижу, лежитъ она въ повозкѣ безъ чувства, тряхнетъ на ухабѣ телѣгу, такъ она головой о переплетъ и ударится. Поднялъ я ее на руку, на правую, такъ и везъ, — все легче. Сначала оттолкнула было меня, — „прочь,“ говоритъ, — „не прикасайтесь!“ — А потомъ ничего ... Можетъ оттого, что въ безпамятствѣ была ... Глаза-то закрыты, вѣки совсѣмъ потемнѣли и лицо лучше стало, не такое сердитое. И даже такъ было, что засмѣется сквозь сонъ и просвѣтлѣетъ будто. Вѣрно ей, бѣдной, хорошее во снѣ грезилось ... Какъ къ городу подъѣзжать стали, очнулась она, поднялась ... Погодато прошла, солнце выглянуло, — вотъ и она повеселѣла. Изъ губерніи-то ее далѣе отправили, въ городѣ губернскомъ не оставили, и мнѣ-же ее дальше везти пришлось: тамошніе жандармы въ разъѣздахъ были. Крѣпко измучилась она, да все-же веселая уѣзжала. Какъ уѣзжать намъ, — гляжу, въ полицію народу набирается, — барышни молодыя, да господа студенты, видно, изъ

ссыльныхъ ... И все точно знакомые съ ней говорятъ, за руку здороваются, распрашиваютъ. Денегъ ей сколько-то принесли, платокъ на дорогу. Проводили ... Ѣхала веселая, только кашляла часто и на насъ не смотрѣла даже, точно насъ и не было. Пріѣхали въ уѣздный городъ, гдѣ ей жить назначено; сдали ее подъ росписку. Сейчасъ она фамилію какую-то называетъ. „Здѣсь," говоритъ, „такой-то?" — Здѣсь, отвѣчаютъ.

Исправникъ пріѣхалъ, — „гдѣ," говоритъ, „жить станете?" — „Не знаю," говоритъ, „но пока къ Рязанову пойду." Покачалъ онъ головой, а она собралась и ушла, съ нами не попрощалась ..."

„Что-жъ — такъ вы больше ее и не видѣли?"

„Видалъ, да лучше ужъ не видать было ... И скоро даже я опять ее увидѣлъ. Какъ пріѣхали мы изъ командировки, сейчасъ насъ опять нарядили и опять въ ту-же сторону. Студента одного везли. Веселый такой, пѣсни хорошо пѣлъ и вышить былъ не дуракъ. Его еще дальше послали. Вотъ поѣхали мы черезъ городъ, тотъ самый, гдѣ ее оставили, и

стало мнѣ любопытно про житье-то ея узнать. — „Тутъ, спрашиваю, барышня-то наша?“ — „Тутъ,“ говорятъ, „только чудная она какая-то; какъ пріѣхала, такъ прямо къ ссыльному пошла, и никто ее послѣ не видалъ, — у него и живетъ . . .“ Кто говоритъ: больна она, а то баютъ: въ родѣ она у него, какъ за любовницу живетъ. Извѣстно, народъ болтаетъ — не видали. А я-то знаю, какъ она живетъ-то съ нимъ. Вспомнилось мнѣ, что она говорила: „помереть мнѣ у своихъ хочется.“ И такъ мнѣ любопытно стало, и не то, что любопытно, а, попросту сказать, такъ меня и потянуло. Схожу, думаю, повидаю ее. Пошелъ, добрые люди дорогу показали; а жила она въ концѣ города. Домикъ махонькій, дверца низенькая. Вошелъ я къ ссыльному-то къ тому, гляжу, — чисто у него, комнатка свѣтлая, въ углу кровать стоитъ, и занавѣской уголъ отгороженъ. А рядомъ мастерская у него махонькая, — тамъ на скамейкѣ другая постель положена. Какъ вошелъ я, она-то на постели сидѣла, шалью обернута и ноги подъ себя подобрала, шьетъ что-то. А ссыльный рядомъ на скамейкѣ сидитъ, въ книжкѣ ей что-то

вычитываетъ. Шьетъ она, а сама слушаетъ. Стукнулъ я дверью, она какъ увидала, приподнялась, за руку его схватила, да такъ и замерла. Глаза большіе стали, темные да страшные . . . Ну, все, какъ и прежде бывало, только еще блѣднѣе сама мнѣ показалась. За руку то его крѣпко стиснула, онъ испугался, къ ней кинулся. „Что,“ говоритъ, „съ вами, успокойтесь.“ А самъ не видитъ меня. Потомъ отпустила она руку-то его, съ постели встать хочетъ. „Прощайте,“ говоритъ ему, „видно, имъ для меня смерти хорошей жалко. Прощайте!“ Тутъ и онъ обернулся, меня увидалъ, — какъ вскочитъ на ноги . . . Думалъ я — тутъ онъ меня и убьетъ, право. Они, знаете, подумали, что опять ее брать пріѣхали. Только видитъ онъ, стою я ни живъ, ни мертвъ, — самъ испугался, да и одинъ . . . Повернулся къ ней, за руку взялъ, засмѣялся. „Да успокойтесь вы,“ говоритъ, — „а вамъ, спрашиваетъ меня, что здѣсь понадобилось?“ Очень мнѣ совѣстно стало, что испугалъ я ее. Сказалъ ему, что повидать пришелъ, да и она меня узнала. Вижу я, сердится все, какъ и прежде. Ну, вотъ сердится, да и только, —

такъ и закипаетъ; кажется, ужъ я всей душой радъ былъ услужить, а она какъ глянетъ, точно ты змѣей ей лютой кажешься. Разобралъ онъ, въ чемъ дѣло, засмѣялся къ ней, сталъ ей говорить что-то. Не все я понять-то могъ, вы, вѣдь, господа, чудно промежъ себя говорите. Онъ то спокойно говоритъ, тихо таково, а она сердито, да дерзко. Ссыльный-то ей: „вы,“ говоритъ, „разберите: вѣдь, человѣкъ къ вамъ пришелъ, а не жандармъ.“ А она ему: „А зачѣмъ онъ служитъ?“

Господи! думаю, неужто я и не человѣкъ для нея. Нешто по своей волѣ я ей худое что сдѣлалъ. Такъ мнѣ горько стало. „Извините,“ говорю, „что испугалъ васъ.“ — „Это,“ говоритъ, „ничего, что испугали. Не въ томъ дѣло.“ Неловко мнѣ стали. „Прощайте!“ говорю. Она ничего не сказала, а онъ повернулся, руку мнѣ подалъ, спросилъ, далеко-ли ѣдемъ ... „Поѣдете назадъ, заходите,“ говоритъ, „пожалуй.“ А она смотритъ на него, да усмѣхается по своему; „не понимаю,“ говоритъ. А онъ ей: „поймете,“ говоритъ, „когда-нибудь, сердце у васъ не злое.“

Когда назадъ мы ѣхали, призываетъ начальникъ старшаго и говоритъ: „вамъ тутъ оставаться впредь до распоряженія; телеграмму получилъ: бумагу вамъ ждать по почтѣ.“ Остались мы. — Вотъ я опять къ нимъ пошелъ, то есть не къ нимъ, а такъ мимо пошелъ, а тамъ, дай, думаю, зайду, — хоть у хозяевъ про нее спрошу. Зашелъ. Говоритъ хозяинъ домовый: „плохо,“ говоритъ, „какъ-бы не померла. Боюсь въ отвѣтъ не попасть-бы, потому собственно, что попа звать не хотятъ.“ Только стоимъ мы, разговариваемъ, а въ это самое время ссыльный вышелъ. Увидѣлъ меня, поздоровался, да и говоритъ: „опять пришелъ? Что-же, войди, пожалуй.“ Я и вошелъ тихонько, а ссыльный за мной вошелъ. Поглядѣла она, да и спрашиваетъ: „опять этотъ человѣкъ? Вы, что-ли, его позвали?“ — „Нѣтъ,“ говоритъ, „не звалъ я, — самъ пришелъ.“ Я не утерпѣлъ и говорю ей: „Что,“ говорю, „барышня, — за что вы сердце противъ меня имѣете? точно я врагъ вамъ какой?“ — „Врагъ,“ говоритъ, „а вы развѣ не знаете? Врагъ!“ Голосъ у ней слабый сталъ, тихій, на щекахъ румянецъ такъ и горитъ и столь лицо у

нея пріятное, — кажется, не наглядѣлся-бы. Вижу: не жилица она на бѣломъ свѣтѣ, сталъ прощенья просить, — какъ-бы, думаю, безъ прощенья не умерла. „Простите меня,“ говорю, „коли вамъ зло какое сдѣлалъ.“ Опять, гляжу, закипаетъ . . . „Простить! Вотъ еще! Никогда не прощу, и не думайте, никогда!“

Разсказчикъ опять смолкъ и задумался. Потомъ продолжалъ тише, и какъ будто сосредоточенно. — „Опять у нихъ промежду себя разговоръ пошелъ. Вы вотъ человѣкъ образованный, по ихнему понимать должны, такъ я вамъ скажу, какія слова упомнилъ. Какъ стали они тише говорить, спокойнѣе, я и вслушался. Слова-то запали, и по сейчасъ помню, а смыслу не знаю. Онъ говоритъ: „Поймите, не прощеніе важно, человѣка признайте. Простить — другое дѣло, онъ самъ-бы, можетъ,“ говоритъ, „не простилъ-бы.“ А потомъ уже совсѣмъ чудно заговорили; другъ на друга смотрятъ безъ сердца, а по словамъ-то будто ругаются. Онъ ей: „вы,“ говоритъ, „сектантка.“ — „А вы,“ она — ему, „холодный, равнодушный человѣкъ.“ Какъ она это слова сказала, онъ даже вскочилъ. — „Равнодушный?“

говоритъ, „ну, вы сами знаете, что неправду сказали!“ — „Пожалуй,“ она говоритъ, „и засмѣялась ему, — а вы-то развѣ правду?“ — „А я,“ говоритъ, „правду.“ Задумалась она, руку ему протянула, онъ руку-то взялъ, а она въ лицо ему посмотрѣла, посмотрѣла, да и говоритъ: „Да, вы, пожалуй, и правы.“ А я стою, какъ дуракъ, смотрю, а у самого такъ и сосетъ что-то у сердца, — этакъ и подступаетъ. Потомъ обернулась она ко мнѣ, посмотрѣла и на меня безъ гнѣва и руку подала. „Вотъ,“ говоритъ, „что я вамъ скажу: никогда васъ не прошу, слышите? враги мы. Ну, а руку вамъ даю, желаю вамъ человѣкомъ стать. — Устала я,“ говоритъ ему . . . Я и ушелъ.

Померла она скоро. Какъ хоронили ее, я и не видѣлъ, у исправника былъ. Только на другой день ссыльнаго этого встрѣтилъ. Подошелъ къ нему, гляжу: на немъ и лица нѣтъ. Росту онъ былъ высокаго, съ лица серьезный, да ранѣе привѣтливо смотрѣлъ, а тутъ звѣремъ на меня какъ есть глянулъ. Подалъ было руку, а потомъ вдругъ руку мою бросилъ, и самъ отвернулся. „Не могу,“ говоритъ, „я тебя видѣть теперь.

Уйди, братецъ . . . Бога ради уйди . . . Потомъ, коли еще въ городѣ останешься, заходи, пожалуй.“ Опустилъ голову, да и пошелъ, а я на ѳатеру пришелъ, и такъ меня засосало, просто два дня пищи не принималъ. Тоска . . . На третій день исправникъ призвалъ меня и говоритъ: „можете теперь отправляться; пришла бумага, да поздно.“ Видно, опять намъ ее везти пришлось-бы, да ужъ Богъ пожалѣлъ, самъ убралъ.

. . . Только что еще со мной послѣ случилось, — не конецъ, вѣдь, еще. Назадъ ѣдучи, пріѣхали на станцію одну. Входимъ въ комнату, а тамъ на столѣ самоваръ стоитъ, закуска всякая, и старушка какая-то сидитъ, хозяйку чаемъ угощаетъ. Чистенькая старушка, маленькая, да веселая такая и говорливая. Все хозяйкѣ про свой дѣла разсказываетъ.

„Вотъ,“ говоритъ, „собрала я пожитки, домъ-то, по наслѣдству который достался, продала и поѣхала къ моей голубкѣ. То-то обрадуется. Ужъ и побранитъ, разсердится, — знаю, что разсердится, а все же рада будетъ . . . Писала мнѣ, не велѣла пріѣзжать. Чтобъ даже ни въ какомъ слу-

чаѣ не смѣла я къ ней ѣхать ... Ну, да ничего это.“

Такъ тутъ меня ровно кто подъ лѣвый бокъ толкнулъ. Вышелъ я въ кухню. „Что за старушка?“ спрашиваю у дѣвки прислуги. — „А это,“ говоритъ, „самой той барышни, что въ тотъ разъ везли, матушка родная будетъ.“ Вѣрите, тутъ меня шатнуло даже. Видитъ дѣвка, какъ я въ лицѣ разстроился, спрашиваетъ: „что,“ говоритъ, „служивый съ тобою?“ — „Тише,“ говорю, „барышня-то умерла.“ Тутъ дѣвка эта, — и дѣвка-то, надо сказать, гулящая была, съ проѣзжающими баловала — а тутъ какъ всплеснетъ руками, да какъ заплачетъ, и изъ избы вонъ. Взялъ я шапку, да и самъ вышелъ, слышалъ только, какъ старушка въ залѣ съ хозяйкой все болтаютъ; и такъ мнѣ этой старушки страшно стало, такъ страшно, что выразить невозможно. Побрелъ я прямо по дорогѣ, послѣ уже Ивановъ меня съ телѣгой догналъ, я и сѣлъ.

... Вотъ какое дѣло. А исправникъ донесъ, видно, начальству, что я къ ссыльнымъ ходилъ, да и полковникъ Я—скій тоже донесъ, какъ я за нее заступался, — одно къ одному и подошло. Не хотѣлъ

меня начальникъ въ унтеръ-офицеры представлять. „Какой ты унтеръ-офицеръ,“ говоритъ, „баба ты! Въ карцеръ-бы тебя, дуракъ!“

Только я въ то время въ равнодушіи находился и даже нисколько не жалѣлъ ничего. И все я это барышню сердитую забыть не могъ, да и теперь то-же самое: такъ и стоитъ, бываетъ, передъ глазами. Что-бы это значило? Кто-бы мнѣ объяснилъ? Да вы, господинъ, не спите?“

Я не спалъ . . . Глубокій мракъ закинутой въ лѣсу избушки томилъ мою душу, и скорбный образъ умершей дѣвушки вставалъ въ ней подъ глухія рыданія бури . . .

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, торгующихъ заграницей запрещенными русскими книгами, продаются слѣдующія новыя книги, изданныя **Іоанномъ Рэде** въ **Берлинѣ**:

Мар.

Алекс. Амфитеатровъ. Господа Обмановы . . 1.—

Знаменитый фельетонъ-памфлетъ, изъ за котораго газета „Россія“ закрыта навсегда, а Ал. Амфитеатровъ (Old Gentleman) сосланъ на 12 лѣтъ въ Сибирь.

— — Господа Обмановы. Глава 2-я, въ газ. „Россія“ не появившаяся . . . . . 1.—

— — Господа Обмановы. Глава третья, самая сенсаціонная . . . . . 1.—

М. Горькій. Три разсказа (не пропущены русской цензурой), съ послѣсловіемъ М. Сукенникова . . 1.—

— — Революціонныя пѣсни и баллады, съ предисловіемъ М. Сукенникова . . . . . 1.—

Голосъ изъ русской арміи. Разоблаченія . . . 2.—

Сергѣй Ждановъ. Три мѣсяца въ „одиночкѣ“ . 2.—

М. Сукенниковъ. Первый конгрессъ русскихъ студентовъ и студентокъ, учащихся заграницей . . 1.—

Избіеніе русской молодежи. Подробное изложеніе студенческихъ волненій со вступительнымъ письмомъ П. Карповича . . . . . 1.—

Вл. Короленко. „Чудная“. Съ письмами автора и А. Чехова относительно выхода ихъ изъ состава почетныхъ академиковъ . . . . . 1.—

Вл. Спасовичъ. Семь судебныхъ рѣчей . . . . 5.—

Содержаніе: I. Дѣло о 193 лицахъ. — II. Дѣло Мровинскаго, Теглева и Фурсова — о подкопѣ подъ Малую

Садовую улицу. — III. Дѣло Юрія Богдановича и Прибылевыхъ. — IV. Дѣло Вѣры Филипповой, Чемодановой и другихъ. — V. Дѣло о варшавскомъ „Пролетаріатѣ". — VI. Дѣло объ убійствѣ купчихи Боговской въ Псковѣ. — VII. Дѣло о Германѣ Лопатинѣ, Петрѣ Якубовичѣ и другихъ лицахъ.

В. А. Бильбасовъ. Исторія Екатерины Второй. Томъ I . . . . . 10.—

— — Томъ II . . . . . 15.—

Изданіе, дополненное главами, не пропущенными русской цензурой.

Въ этомъ сочиненіи цитируются многочисленные документы и разныя сообщенія изъ тайныхъ государственныхъ архивовъ, вслѣдствіе чего легальное изданіе немедленно по своемъ появленіи въ свѣтъ было цензурой конфисковано и уничтожено. Этотъ трудъ весьма интересенъ для всякаго, желающаго основательно ознакомиться съ эпохой Екатерины II. Изложеніе труда прекрасно и настолько легко, что всякій прочтетъ названную книгу съ величайшимъ удовольствіемъ. Сочиненіе Бильбасова составляетъ событіе въ русской исторической литературѣ.

Н. Н. Флеровскій. Три политическія системы: Николай I, Александръ II и Александръ III . . 6.—

Народныя Русскія Легенды, собранныя Аѳанасьевымъ . . . . . 10.—

Л. Н. Толстой. Война и разумъ . . . . . —.60

— — Крейцерова соната 1.50

Полный текстъ безъ сокращеній, сдѣланныхъ русской цензурой.

— — Въ чемъ моя вѣра . . . . . 2.—

— — Исповѣдь. Вступленіе къ сочиненію „Въ чемъ моя вѣра" 1.50

— — Воскресеніе. Романъ въ трехъ частяхъ . . 5.—

Въ настоящее изданіе вошло все, что русской цензурой не пропущено.

Мар.

Крестьянская революція на югѣ Россіи. Подробное изложеніе хода крестьянскихъ волненій съ предисловіемъ М. Сукенникова и письмами Л. Н. Толстого царю . . . . . 2.—

Салтыковъ-Щедринъ. Топтыгинъ I, Топтыгинъ II и Топтыгинъ III. Сказки для дѣтей изриднаго возраста . . . . . 1.—

Арт. Клейншмидтъ. Три столѣтія русской исторіи. Обзоръ исторіи Россіи со времени восшествія на престолъ Романовыхъ до настоящаго времени (1598—1898). Съ двумя генеалогическими таблицами, одной таблицей портретовъ и картой (ходъ развитія Россіи) . . . . . 9.—

Содержаніе: Предисловіе. — До Петра Великаго. — Петръ Великій. — Екатерина II. — Петръ II и Анна. — Два регентства въ теченіе одного года. — Послѣдніе Романовы. — Первый Готторпъ. — Екатерина II. — Павелъ. — Александръ I. — Николай I. — Александръ II. — Александръ III. — Николай II.

К. В. Нюгольмъ:

Положеніе Финляндіи въ Россійской Державѣ 2.50

Матеріалы по Финляндскому вопросу. Оффиціальные документы, фактическія данныя, газетныя и журнальныя статьи и пр. 1.25

Мысли о современномъ положеніи Финляндіи . . . . . —.80

Библіотека біографій выдающихся русскихъ революціонеровъ:

Вып. 1: **Варѳоломей Александровичъ Зайцевъ** . . . . . 1.—

Сущность и значеніе **конституціи** графа **Лорисъ-Меликова** . . . . . 1.—

Мар.

Смерть Александра III. Правдивыя замѣтки . . 1.—

А. Колосовъ. Его Величество (Serenissimus). Сборникъ придворныхъ анекдотовъ . . . . . 3.—

Новые матеріалы по біографіи россійскихъ коронованныхъ особъ, составленные на основаніи заграничныхъ документовъ:

Томъ III. **Елизавета Петровна,** ея происхожденіе, интимная жизнь и правленіе . 2.—

„ IV. **Петръ III,** его дурачества, любовныя похожденія и кончина . . . . . 2.—

„ VII. **Екатерина II,** ея происхожденіе, интимная жизнь и политика . . . 2.—

„ VIII. **Павелъ I.** Его семейная жизнь, фавориты и убійство . . . . . 2.—

„ XI. **Александръ II,** его личность, интимная жизнь и правленіе . . . . . 2.—

„ XII. **Александръ III,** его личность, интимная жизнь и правленіе . . . . 2.—

А. Бебель, Женщина настоящаго, прошедшаго и будущаго времени . . . . . 3.—

Въ этой книгѣ знаменитаго вождя соціалистовъ обстоятельно обсуждается женскій вопросъ, имѣющій столь крупное значеніе для нормальнаго развитія современнаго общества. Авторъ такъ умѣло написалъ свою книгу, что она въ самый непродолжительный срокъ выдержала на нѣмецкомъ языкѣ 30 изданій.

Леонидъ Андреевъ, Бездна . . . . . 2.—

Въ настоящее изданіе нашумѣвшаго разсказа вошло все, что русской цензурой не пропущено.

Веймаръ, въ типографіи Г. Ушмана.